

О.Н. Титова,
научный сотрудник
муниципального учреждения культуры
«Сапожковский краеведческий музей»

Дом графа Остермана в Москве

Красивый тихий уголок старой Москвы. За воротами, всегда открытыми, – островок зелени, контрастирующий с ровным асфальтовым покрытием по ту сторону ограды. Вековые липы переплелись ветвями, а старые яблони цветут и плодоносят. Сюда возвращаются весной и гнездятся первые дрозды, Здесь как будто еще жив дух старинной дворянской усадьбы, и кажется, что вот-вот подкатит золоченая карета, и из нее выйдет кто-нибудь из Стрешневых или Остерманов. Гостями этого дома, расположенного в начале Делегатской улицы, были император Александр I, митрополит Платон, поэт Ф.И. Тютчев, декабрист Д.И. Завалишин, митрополиты Филарет и Тихон (впоследствии патриарх), В.И. Ленин, А.М. Горький, Н.С. Хрущев, а в последние годы потомки Российского Императорского дома.

Начиная со второй четверти XVI в. земли вдоль проезда к Убогому дому (отсюда прежнее название Делегатской улицы – Божедомский переулок) принадлежали Стрешневым, затем Московской духовной семинарии и уже в наше время – государственным учреждениям.

Основатель династии Романовых, Михаил Федорович, в 1628 году пожаловал более 10 га земли своему тестю Лукьяну Степановичу Стрешневу. С 1687 года поместье принадлежало его родственнику Ивану Родионовичу Стрешневу, имущество которого перешло по завещанию вдове, Наталье Львовне. После смерти матери трое их сыновей – Василий, Николай и Петр – поделили между собой родительское наследство, так как завещания Наталья Львовна не оставила. Согласно «полюбовной раздельной записи» 1739 года, «стрешнев двор», находящийся «за петровскими вороты за земляным городом

от воротников к убогому дому», стал принадлежать Василию Стрешневу (1707-1782).

Василий Иванович стал известен благодаря своей сестре Марфе, которая в 1721 году вышла замуж за дипломата Андрея Остермана. Андрей Иванович Остерман (1687-1747) поступил на русскую службу еще при Петре I. Его природный ум, знание языков, блестящее образование способствовали быстрой карьере. Дипломатические способности Остермана проявились во время заключения Ништадского мирного договора со Швецией. В 1721 году Петр I сделал его бароном и тайным советником. Андрей Иванович – один из авторов «Табели о рангах», вице-президент Коллегии иностранных дел; при Екатерине I – вице канцлер, при Анне Иоанновне – граф, при Анне Леопольдовне – первый кабинет-министр, генерал-адмирал.

На свою беду граф Остерман не смог увидеть в дочери Петра I будущую императрицу, недолюбливал ее, за что и поплатился после вступления Елизаветы Петровны на престол. Андрей Иванович, переживший двух императоров, двух императриц и одну правительницу, был объявлен государственным преступником, лишен титула, чинов и наград и приговорен к смертной казни, замененной на эшафоте ссылкой в Березов. Вместе с ним туда последовала его жена Марфа Ивановна, урожденная Стрешнева.

Между тем Василий Иванович Стрешнев активно занимался обустройством своей усадьбы на Божедомке. Малообжитое место к 1763 году превращается в имение с типичным для русской усадьбы расположением строений на участке. В глубине двора фасадом к улице стояли на каменном основании двухэтажные палаты. Боковые флигеля, развернутые перпендикулярно главному дому, сформировали вместе с ним парадный двор. В то время это был «огромный и великолепный дом, который почитался одним из первых в Москве». Служебные и хозяйственные постройки располагались по красной линии проезда, ведущего к Убогому дому. Такое расположение зданий стало основой для всего дальнейшего строительства на территории усадьбы. Эта схема застройки сохранилась и по сей день.

Граница владения В.И. Стрешнева вдоль Божедомского переулочка растянулась на 450 метров. На плане 1782 года видно, что главный дом и два боковых флигеля соединены между собой полуциркульными оградами. Постройки очертили границы парадного двора, декорированного двумя небольшими искусственными прудами.

Усадьба по завещанию Стрешнева перешла графу Ивану Андреевичу Остерману в 1782 году. Через четыре года вместо двухэтажного деревянного дома на каменном основании здесь уже стоял возведенный целиком в камне трехэтажный дворец, вместо одноэтажных деревянных флигелей – двухэтажные каменные, вместо оград между главным корпусом и флигелями – покруглые каменные же галереи-переходы. Сохраняя старую основу, планировка приобретает регулярный характер с типичной для зрелого классицизма симметричной композицией со скругленным парадным двором. Имя архитектора, построившего одно из самых выразительных зданий в стиле русского классицизма, нам неизвестно; скорее всего, он принадлежал школе М.Ф. Казакова.

Иван Андреевич (1725-1811) хоть и не унаследовал талантов своего знаменитого отца, на службе преуспел не менее него. В 1775 году он стал вице-канцлером, но реальной власти не имел, так как внешнюю политику вершили Екатерина II, Н.И. Панин, а после него А.А. Безбородко. С 1781 года Иван Андреевич – действительный тайный советник, с 1783 – Главноуправляющий Коллегией иностранных дел. В 1796 году, при Павле I, становится канцлером, однако спустя полгода уходит в отставку и уезжает в Москву, поселившись в своем дворце в Божедомском переулочке.

С приходом графа Остермана дом зажил светской жизнью с приемами, обедами и балами, о чем остались свидетельства современников, датированные самым началом XIX века. К ним относятся письма сестер Кэтрин и Марты Вильмот, подруг княгини Е.Р. Дашковой, неоднократно вместе бывавших во дворце. «Вчера в два часа, – пишет Марта Вильмот в феврале 1804 года, – ездили к графу Остерману поздравить его родственницу с именинами. Как

только мы вошли, нас повели к столу, где был накрыт так называемый завтрак: предлагались вяленая рыба, икра, сыр, хлеб etc и eau de vie – всего лишь легкая закуска для аппетита перед обедом, о котором тут же и возвестили. Мы собрались в зале с галереей, заполненной мужчинами, женщинами, детьми, карликами, юродивыми и неистовыми музыкантами. Раздался громкий грозный звук трубы, и все сразу смолкло, на лице каждого сидящего за столом выразилось почтительное внимание. Графу подали хрустальный кубок с шампанским. Он встал и, провозгласив здоровье именинницы, залпом осушил бокал. Вторично, но уже в другом тоне, прозвучала труба, и кубок с вином был подан княгине Дашковой, которая повторила заздравный тост. Труба пропела в третий раз, и следующий гость с теми же словами выпил тот же хрустальный бокал. Короче, эту церемонию проделал каждый из сорока шести сидящих за столом, можете представить, сколько времени заняло торжество».

Легенды об этих приемах долго жили в памяти москвичей. Столетие спустя М.И. Пыляев напишет: «Хлебосольно и открытым домом жил в Москве граф Иван Андреевич Остерман. Приезжающих к нему на обед, ообенно по воскресеньям иногда было до ста и более персон... Граф почти девяностолетним стариком сохранял здоровье и полную память о прошлом. Хлебосольство его сейчас кажется почти сказочным; гостей за его столом угощали почти на убой, сам Остерман ходил и смотрел, чтобы его гости ели; перемен блюд бывало у него до сорока и более. Во все время стола гремела музыка на хорах, и когда за столом преобладали дамы, то в конце обеда граф, взглянув на хоры, давал знать в ладоши, чтобы начинали другую музыку, и тогда гремел польский – Козловского, и гости, вскочив из-за стола, тянулись парами в гостиную и далее по залам. Обыкновенно же, если у него не обедали дамы, музыка кончалась с десертом».

Важное место в усадьбе занимал парк. Неизвестно, существовал ли он при Стрешневых и как закладывался И.А. Остерманом – на пустом месте или был развитием старого. Одно можно сказать с уверенностью: его

планировочная схема отражала стилевые особенности русских романтических парков последней трети XVIII века, сохранявших элементы регулярности.

По своему духу парк Остермана напоминал современникам лондонский Воксхолл, владельцу которого поистине удалось создать иллюзию рая с широким диапазоном развлечений на любой вкус. «Готический» и «китайский» павильоны, «турецкий тент», «роща» с густыми посадками вязов и платанов, напоминавшая непроходимую лесную чащу, «обманки» с изображением руин и пейзажей, подсвеченные статуи, музыкальные павильоны – все это можно было увидеть, возможно и в графском парке. Кэтрин Вильмот писала: «В числе обширных парков при дворцах частных лиц не менее 14 английских акров земли заняты парком в стиле Воксхолла при доме великого канцлера графа Остермана».

Единственное известное изображение интерьеров дворца имеется на гравюре, посвященное приему графом почетного гостя – императора Александра I. На ней отражен момент приветствия высокого гостя графом Остерманом. Престарелый Иван Андреевич собирается подняться с кресел, однако император, стоя в окружении свиты, жестом усаживает его обратно. На гравюре надпись: «Государь Император и граф Остерман во время пребывания Его Императорского Величества в Москве в декабре месяце 1809 года».

В этом же доме бывал также митрополит Платон, посещавший Ивана и Федора Остерманов. Братья называли его «своим учителем в старости». Федор Остерман вел с митрополитом переписку богословского содержания.

Ни Федор, ни Иван Остерманы не имели детей. В 1796 году они обратились к Екатерине II с прошением о передаче фамилии и титула внуку их сестры Анны, двадцатилетнему подполковнику Александру Толстому. По высочайшему указу он стал именоваться графом Александром Ивановичем Остерманом-Толстым (1770-1857).

Через несколько лет он становится наследником огромного состояния Остерманов. Иван Остерман в своем завещании особо оговаривал условия наследования московского дворца: «Московский дом, мною построенный со

всеми в нем мебелью; а как желание мое есть при том, чтобы оный дом всегда оставался под названием Дома графа Остермана и переходил бы к одному старшему в роде сего внука моего законному наследнику, на таком же основании как распорядено родовое наше с покойным братом моим имение, то сам обязывая онаго внука моего и таких преемников его, сию волю мою в точности выполнить и отнюдь сей дом никогда не продавать и не закладывать». Дом сильно пострадал во время московского пожара 1812 года и в течение многих лет не восстанавливался.

Граф Александр Иванович участвовал во всех наполеоновских войнах. Особенно отличился в сражении при Кульме в Богемии в 1813 году, в 1814-м был назначен генерал-адъютантом Александра I, в 1817 году получил чин генерала от инфантерии. Однако здоровье его было подорвано многочисленными ранениями, он уволился в бессрочный отпуск, часто уезжал на лечение за границу, в Москве бывал лишь наездами и во восстановлением дворца в Божедомском переулке не занимался.

В начале 1830-х годов Александр Иванович решил навсегда уехать из России и стал продавать всю недвижимость – петербургские и московские дома, подмосковные имения. Первая попытка заложить наполовину сгоревший московский дворец окончилась неудачей, так как желание Остермана-Толстого противоречило завещанию Ивана Андреевича Остермана, в котором тот запрещал потомкам продавать или закладывать дом. Но вскоре к этому вопросу вернулись снова. Причиной тому был поиск нового места для Московской духовной семинарии, нуждавшейся в более просторном помещении, чем она тогда занимала. Многие варианты были отклонены, пока на одном из документов не появилась резолюция Николая I: «Должно искать другой дом, например, например Графа Остермана, уединенный и с обширным садом». Высочайшая «рекомендация» позволяла закрыть глаза на волю покойного А.И. Остермана. В 1834 году Святейший Синод за 100 тысяч рублей покупает «дом с пустопорожнею землею, садом и огородом, со всеми находящимися каменными и деревянными строениями».

Началось обсуждение проектов реконструкции дворца. Мнения были различны. Одни архитекторы предлагали полностью разрушить все старые здания и на их месте возвести новые, другие хотели снести только второстепенные, но сохранить дворец и нарастить его с восточной и западной сторон. Лишь петербургский архитектор А.Ф. Щедрин предложил оставить неприкосновенным все существующие постройки, восстановить сгоревший дворец и расширить его в глубину участка. Таким образом внешние очертания усадьбы не нарушались, и сохранялось здание, «издавна привлекавшее к себе внимание московских жителей, и сломка которого произвела бы неприятное впечатление».

Реконструкция велась пять лет. Фасад главного дома подвергся незначительным изменениям по сравнению с тем, как он выглядел при Остерманах; с линии второго этажа были сняты оба боковых и центральный балконы, с фронтона убран герб. Возле одного из полукруглых переходов построена небольшая колокольня. Декоративные пруды засыпали, на их месте разбили газон. Дом графа Остермана приобрел более аскетичный, немного казенный облик.

1 ноября 1844 года состоялось торжественное открытие семинарии в восстановленном доме. После реконструкции он как нельзя лучше соответствовал своему назначению, но через 30 лет и в нем стало тесно. Еще одна пристройка к главному зданию превратила его в замкнутое в плане каре. В 1885 году к восточной галерее со стороны хозяйственного двора пристраивается двухэтажное епархиальное общежитие.

В 1918 году новая власть объявила духовные учебные заведения «гнездами контрреволюции». Здание семинарии было национализировано и вскоре стало называться Третьим Домом Советов. В бывшем семинарском общежитии проживали делегаты многочисленных съездов. В память об этом в 1941 году Божедомский переулок переименовывается в Делегатскую улицу.

После Великой Отечественной войны в доме на Делегатской улице размещались Президиум Верховного Совета и Совет Министров РСФСР. В

конце 40-х годов в мастерской архитектора В.Г. Гельфрейка создается проект трехэтажной пристройки для Президиума Совмина. Новый корпус примкнул к торцевой стене бывшего семинарского общежития.

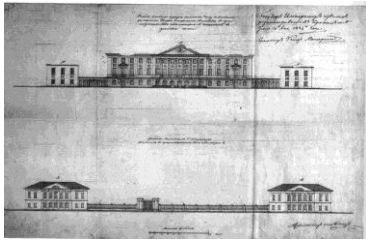
Архитектурные наслоения не изменили, впрочем, композиционного ядра усадьбы. Все новые здания возводились со стороны сада и хозяйственного двора. Архитекторы отводили им заведомо подчиненную роль, оставляя первенство за усадебными сооружениями, не нарушая, а дополняя сложившийся ранее ансамбль.

В 1981 году, после переезда правительства РСФСР в новое здание на Красной Пресне, в доме графа Остермана по специальному постановлению Совмина открывается новый уникальный для Москвы Всероссийский музей декоративно-прикладного и народного искусства.

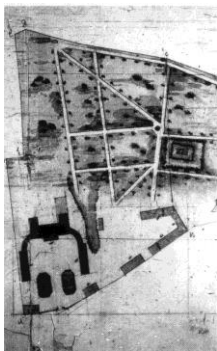
Время не пощадило некоторые служебные флигеля, другой стала красная линия нынешней Делегатской улицы, исчезли пруды, изменился парк, но центральное ядро московской городской усадьбы конца XVIII века с домом графа Остермана сохранило свой облик и является ярким примером архитектуры эпохи классицизма, напоминанием о «золотом веке» русской усадьбы.

Подготовлено по материалам из научного архива муниципального учреждения культуры «Сапожковский краеведческий музей», предоставленным музееведом В.Б. Двораковским (г. Москва), а также, полученным на сайте www.dwor.boom.ru.

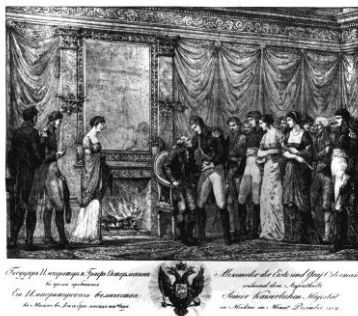

Фасад главного дома с боковыми флигелями и фасад флигелей, выходящих на красную линию Божедомского переуллка, с соединяющей их оградой. Зарисовка 1832 года архитектора Ф.М. Шестакова для оценки недвижимости.

План московского владения А.И. Остермана-Толстого в начале Божедомского переуллка. Составлен архитектором Ф.М. Шестаковым в 1832 году.

Неизвестный гравер.

Государь император и граф Остерман во время пребывания Его Императорского Величества в Москве в декабре 1809 года.

Первая половина 1820-х гг.

Бумага, литография.

